

902.6

A-87

A87

15-16

НАУКА И ТЕХНИКА СССР

Стены Евразии
в эпоху средневековья

АРХЕОЛОГИЯ СССР

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Академик **Б. А. РЫБАКОВ** (главный редактор)

Р. М. МУНЧАЕВ (зам. главного редактора)

В. А. БАШИЛОВ (зам. главного редактора)

С. А. БЕЛЯЕВ (ответственный секретарь)

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1981

302.6

A87

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Степи Евразии в эпоху средневековья

Ответственный редактор тома
С. А. ПЛЕТНЕВА

Хмельская обл.
Библиотека

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1981

ва А. Г., 1959, с. 51—53]. Центральная часть кургана была перекрыта кладкой из сырцового кирпича в два ряда, а пблы залиты жидким раствором глины. Поверх могильной ямы погребения 3 было выложено из сырцового кирпича нечто вроде сагана. В основной центральной округлой могильной яме размером 3,35×3,07 м поверху и 2,7×2,3 м по дну, ориентированной с запада на восток, был захоронен по языческому обряду человек с конем, положенным на приступку вдоль южной стенки могилы головой на восток. В погребальном инвентаре представлены железные восьмерковидные удила, стремя с невыделенной петлей для путлица, железная пряжка, металлическая фигурная накладка на пояс с изображением павлина и обломки железных предметов [Агеева Е. И., Максимова А. Г., 1959, рис. 4]. Два других погребения были, по канонам ислама, без вещей.

Погребения, сочетающие черты язычества и мусульманства, исследованы также в Центральном Казахстане [Кызласов Л. Р., 1951, с. 60—63; Маргулан А. Х., 1959, с. 250], в Семиречье [Максимова А. Г., 1968, с. 153—158], в Западном Казахстане [Синицын И. В., 1959, с. 205]. Надмогильные сооружения и погребальные камеры этих памятников разные. В них отражается различие в этническом составе оставивших их тюркоязычных племен. Так, захоронения Центрального Казахстана совершены в грунтовых ямах под каменными курганами, в Семиречье — под курганами с прямоугольными каменными оградками, конструктивно напоминающими курганы-оградки кимаков Восточного Казахстана IX—X вв. [Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г., 1973, табл. I], или земляными насыпями. В Западном Казахстане могилы обозначены оградками из сырцового кирпича.

Оградки в Семиречье являлись, очевидно, как и в Заволжье [Синицын И. В., 1959, с. 205], семейными усыпальницами и содержали по нескольку погребений [Максимова А. Г., 1968, с. 154]. Погребения Центрального Казахстана совершены в прямоугольных, с закругленными углами могильных ямах, типичных для языческих погребений этого района, а захоронения в Семиречье — в грунтовых ямах с заплечиками, перекрытых на уровне заплечиков каменными плитами, или же в грунтовых ямах с подбоями, устроенными на уровне дна, вдоль юго-западных стенок (со стороны кыблы), и заложены сырцовым кирпичом. Изредка в этих погребениях паходят хвостовые позвонки баранов — остатки положенных в могилы, согласно языческому обряду, курдюков.

Точная датировка подавляющего большинства раннемусульманских погребений затруднена отсутствием вещевого инвентаря. Относительно ранними из исследованных, помимо Средней Азии, являются погребения Центрального Казахстана, поскольку они находятся на одном могильнике с языческими захоронениями XIV в. (Жаргас) и одновременны им, а также могилы, содержащие остатки ритуальной пищи, что позволяет датировать эти памятники временем около XIV в. К самой поздней группе относятся захоронения в подбоях, характерных для позднемусульманских погребений.

Воспринявшая мусульманство кочевая знать не довольствовалась скромными захоронениями под курганами в грунтовых могилах. Для погребения ее представителей сооружались роскошные мавзолеи — гумбезы, строительство которых явилось высшим достижением кочевнической архитектуры. К таким памятникам в Центральном Казахстане относятся мавзолеи Алаша-хан, Домбаул, Джучи-хан в долине р. Кара-Кенгир [АКК, 1960, с. 148—149, табл. VI, 145, 146], Джубан-Ана и развалины мавзолея Дын на р. Сыры-Су, в юго-западном Казахстане — Сарлытам-Тортоба и Кок-Кесене [АКК, 1960, с. 238, табл. V, 56, 58], в Киргизии — гумбез Манаса [Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1950], мавзолеи Узгена и др. Они сложены из обожженного кирпича, украшены поливной керамикой и резьбой по камню.

Аскизская культура

(средневековые хакасы X—XIV вв.)

Археологическая культура средневековых хакасов X—XIV вв. открыта в конце 50-х годов Л. Р. Кызласовым. Характерный для нее обряд погребения и инвентарь изучены в курганных группах в долине р. Аскиза на северо-западе Хакасской автономной области, поэтому культура получила наименование аскизской [Кызласов Л. Р., 1975]. Отдельные курганы этой культуры раскапывались и ранее И. П. Кузнецовым, А. В. Андриановым, С. А. Теплоуховым, Г. П. Сосновским, В. П. Левашовой, М. П. Грязновым и другими исследователями [Теплоухов С. А., 1929, табл. III, 63—67; Грязнов М. П., 1940; Липский А. Н., 1949; Кызласов Л. Р., 1975, с. 208—209]. Случайно найденные вместе с другими образцами южносибирских древностей аскизские предметы с конца XIX в. включались в сводные атласы [Клеменц Д. А., 1886; Tallgren A. M., 1917]. После выделения культуры и изучения характерных ее черт появилась возможность выявить их в собраниях случайных находок. В настоящее время число раскопанных курганов аскизской культуры превысило 120. Экспедиция МГУ ведет исследование остатков крупных городских центров этой культуры.

Известные в настоящее время памятники аскизской культуры локализируются в значительных по площади районах Южной Сибири. На севере они встречены в районе современного Красноярска, на востоке — в бассейне р. Кан, на юге — на всей территории Тувы, на юго-западе — на Алтае, на западе ее памятники встречены в отрогах Кузнецкого Алатау (рис. 32). На всей этой территории известны многочисленные случайные находки инвентаря, относящегося к этой культуре [Кызласов Л. Р., 1975, с. 207—209]. В то же время сравнительно слабая изученность памятников аскизской культуры в периферийных районах не дает пока возможности четко очертить ее границы. Но уже сейчас ясно, что в рассматриваемый период аскизская культура в целом занимает территорию основного ядра распространения древнехакасской культуры IX—X вв., с которой она связана

генетически. Отпадают лишь пограничные районы, а ядром остается территория верхнего и среднего течения Енисея. В целом границы распространения этой культуры совпадают с рубежами древнехакасского государства, установленными по письменным источникам для X—XII вв.

Аскизская культура существовала с конца X по XVII в., когда ее сменила этнографическая культура современных хакасов [Кызласов Л. Р., 1975, с. 209—211]. Памятники поздних этапов культуры еще не исследованы. В литературе лучше освещен домонгольский период — конец X—XII в. (малиновский этап). К нему же относится и большинство исследованных памятников. Период XIII—XIV вв. (каменский этап) только начинает изучаться [Кызласов И. Л., 1978].

Наибольшее основание для определения хронологических рамок аскизской культуры дают наблюдения над закономерностями развития предшествующих ей культур южносибирского средневековья [Кызласов Л. Р., 1969а, гл. IV]. На первом (малиновском) этапе в раннеаскизских комплексах можно встретить отдельные пережиточные формы предметов: наконечники стрел (рис. 33, 82—84), бронзовые бляхи тюхтятского типа (рис. 33, 59—61, 63; 74, 26), двукольчатые удила с перпендикулярными кольцами и витыми, а чаще ложковитыми или гладкими звеньями (рис. 74, 19, 72). В то же время такие удила сочетаются с псалиями, скобы которых украшены у основания длинными гребнями. Цельнокованные стержневые псалии XI—XII вв. иногда имитируют эти гребни (рис. 74, 19). Упоровые удила — типичная деталь аскизского инвентаря. В некоторых случаях они имеют крюки соединения звеньев с расклепанными, накладывающимися на стержень звеньев концами, что является пережиточной формой соединения звеньев с помощью замкнутых колец (рис. 28, 19). При изучении эпитафий начала аскизской культуры по типологическим связям личных тамг удается подчас установить и существовавшие родственные связи между отдельными носителями аскизской культуры и предшествующей тюхтятской культуры IX—X вв. (например, памятников Бай-Булуи I и II) [Кызласов Л. Р., 1965а, рис. 5, 6, 7, приложение, 26, 31]. Да и сам обычай ставить стелы с эпитафиями, известный на первом этапе аскизской культуры, указывает на связь и последовательность этих культур.

Относительную хронологию второго (каменского) этапа также проиллюстрируем на примере удил. Общая тенденция к уплощению форм предметов привела в XIII—XIV вв. к созданию очень крупных пластинчатых псалиев. Оформление их нижних концов напоминает подобные сапожку окончания предшествующих типов (рис. 74, 26). Появились новые для аскизской культуры кольчатые и дисковидные псалии. Сочетающиеся с ними крюковые удила в ряде случаев имеют уже совершенно лишние здесь упоры на звеньях, восходящих к типичным формам XI—XII вв. (рис. 74, 3, 55). Подробная типология инвентаря аскизской культуры играет большую роль при решении вопросов относительной датировки этапов также и в силу большого своеобразия этого инвентаря, практически лишая возможности оты-

скать сколько-нибудь значительное число датируемых аналогий за пределами ареала культуры. Наиболее сложен в этом плане малиновский этап (конец X—XII в.). Исключением здесь являются, пожалуй, лишь наконечники стрел, во многом близкие по облику к одновременным сериям не только из Западной Сибири и Приуралья, но в значительной мере и из Восточной Европы. Хорошо подтверждают датировку этапа и привозные предметы. Например, бипирамидальные сердоликовые и фасетчатые хрустальные бусы, привозившиеся из Средней Азии, а также стеклянные бусины сирийского производства [Кызласов И. Л., 1977а]. Найдены в курганах и сунские монеты. Инвентарь каменского этапа (XIII—XIV вв.) представляет большие возможности для сравнений, несмотря на то что продолжает сохранять основные черты самобытности. В нем появляются характерные для эпохи в целом типы поясных блях (рис. 74, 41, 42, 69), S-образных серег (рис. 74, 44), стремян (рис. 74, 1, 2, 58), столовой серебряной посуды (рис. 74, 5, 6, 56, 57) и т. д. Датировка этапа хорошо подтверждается сопоставлением его памятников с древнемонгольскими городами на территории Тувы (могилище Межегейского городища) [Кызласов Л. Р., 1969а, с. 161—163]. Отдельные древнехакасские изделия встречаются в кипчакских погребениях XIII—XIV вв. в Прииртышье и даже на Дону, а также в прибайкальских могилах того же времени (Ильмовая Падь) [Арсланова Ф. Х., 1970, табл. I, 4; Кызласов И. Л., 1978, 1979].

Сведения о древнехакасском государстве, управлявшемся династийным родом кыргыз, содержатся в трудах средневековых арабо- и персоязычных ученых X—XV вв. и в китайских хрониках и сочинениях XI—XIV вв. Знакомы с ним были и западно-европейские путешественники. Часть авторов заимствовала сведения из более ранних сочинений IX—X вв. (ал-Йакут, ал-Казвини, ал-Бакуви), некоторые лишь упоминают средневековых хакасов в перечне известных им народов (Бируни, Мубаракшах, Рубрук), но остальные значительно дополняют данные более ранних источников, что должно учитываться при работе над историей народов Саяно-Алтайского нагорья [Кызласов Л. Р., 1960а, 1964, 1965, 1966, 1968а, б, 1969а].

Древнехакасское государство занимало значительную территорию с центральными землями в бассейне верхнего и среднего течения Енисея, соседствующую с кимаками, карлуками, уйгурами, киданями, курьканями и таежными северными племенами. Несмотря на то что территория государства в XII в. сократилась (рис. 32), оно до самого монгольского завоевания оставалось крупной феодальной державой с разноэтничным населением общей численностью около 450—500 тыс. человек [Кызласов Л. Р., 1966], с данническими отношениями между покоренными и господствующими племенами, с пережитками рабства. Государственный аппарат имел сложную иерархию с развитой титулатурой. Регулярная армия подразделялась на десятки, сотни, тысячи и тумены. Подробно описанные географические условия края хорошо согласуются с существовавшими отраслями хозяйства: скотоводством (круп-

ный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади, верблюды) в сочетании с развитым орошаемым пашенным земледелием, горным делом, ремеслом и пушным промыслом. Развитая внешняя торговля и дипломатические связи привели к подробному описанию в источниках основных караванных путей в Восточный Туркестан, Западную и Восточную Сибирь, Центральную Азию и Китай. Социально-экономическое развитие общества привело к появлению городов (в разных источниках перечислены пять крупных центров). Основной религией общества был шаманизм. Вера в очистительные свойства огня объясняет практикуемый обряд трупосожжения. Сами средневековые хакасы — народ европеоидной расы с примесью монголоидности, тюркоязычный.

Политическая история XI—XII вв. известна мало. Можно отметить лишь незначительные стычки с киданями во время продвижения последних в Среднюю Азию, имевшие место в Северо-Западной Монголии, тогда принадлежавшей древнехакасскому государству. В результате борьбы с пайманами эта территория была утрачена в середине XII в. В 1207 г., когда многочисленная армия Джучи вторглась в пределы древнехакасского государства, его правители, вероятно хорошо знавшие внешнеполитическую обстановку, подчинились монгольским феодалам без вооруженного сопротивления. Однако избежать войны все же не удалось. В 1218 г., когда Чингисхан потребовал от средневековых хакасов участия в завоеваниях и карательных операциях его армии, они отказались и восстали, полностью испытав на себе за это страшную мощь монгольского удара. В этой борьбе на стороне средневековых хакасов сражались практически все племена Саяно-Алтайского нагорья, в течение многих веков входившие в одно государство. Жестокое поражение подорвало силы енисейского государства, но не лишило его способности и стремления к сопротивлению. С этого времени во всех исторических сочинениях древнемонгольского государства имя средневековых хакасов неизменно значится в перечне «немирных племен». Накопив силы, средневековые хакасы в 1273 г. подняли новое восстание, которое позволило князьям из рода кыргызов в течение 20 лет вновь независимо править Саяно-Алтайским нагорьем. Новое завоевание этих земель монгольскими феодалами произошло только в 1293 г. Кроме физического уничтожения, юаньская администрация выселила значительное число «немирных племен» в Монголию, создав военно-земледельческие поселения. Территория древнехакасского государства была оккупирована. Других сведений о крупных выступлениях саяно-алтайских народов против ига монгольских феодалов мы не имеем. Все это при учете единства действий саяно-алтайских племен в 1218 г. и управления древнехакасских князей как на среднем, так и на верхнем Енисее в 1273—1293 гг. позволяет нам считать временем окончательного уничтожения древнехакасского государства не 1207 г., а 1293 г., т. е. конец XIII в.

Сведения письменных источников об оседлой жизни значительной части населения древнехакасского государства имеют археологические подтверждения. Хотя сельские поселения аскизской культуры еще не изучены, об их существовании говорят подьём-

ные материалы. Например, сборы на дюнах по правому берегу Енисея от д. Сизой до г. Минусинска свидетельствуют, что там существовали поселения XI—XII вв. Они были неукрепленными и по внешнему виду мало отличались от селений предшествующего времени. На значительную плотность населения в долине Енисея в рассматриваемый период указывают не только многочисленные курганы и случайно найденные предметы аскизской культуры, но и широко известные горные крепости-убежища. Они существовали практически в каждой удобной для жизни долине горного края. Возникнув в предшествующее аскизской культуре время, они, несомненно, использовались и продолжали сооружаться в XI—XII вв. и позднее. Датировать эти крепости позволяют курганы, расположенные в них и вдоль их стен, наскальные рисунки и собранные подъемные материалы. О бытовании крепостей вплоть до XVII в. сообщают русские письменные источники. Существование таких крепостей-убежищ, имеющих обычно слишком малую для постоянной жизни площадь (в среднем 6—10 тыс. кв. м), располагающихся на вершинах труднодоступных скал и сопок с прекрасным обзором, не оставляет сомнений в том, что где-то поблизости с ними, в удобных для жизни местах речных долин, находились постоянные поселки. Такие убежища подтверждают тем самым существование не только оседлых поселений, но и их неукрепленность. Многочисленность крепостей наводит на мысль, что практически каждый крупный поселок имел подобное укрепленное убежище. Известны также целые укрепленные районы, предназначенные для убежища населения многих селений. Они резко отличаются по размерам: стена оглахтинской крепости протянулась на 25 км, только южная стена укрепления на Хызыл-Хае у д. Подкамень достигает 2 км длины (остальное — неприступные скалы). Расположенные в самом центре древнехакасского государства периода его расцвета такие крепости свидетельствуют о феодальной раздробленности огромной державы.

Такие крепости — один из источников для изучения фортификационного искусства носителей аскизской культуры. Они укреплялись сложными насухо стенами из плитняка и камня, высота которых еще в XIX в. достигала в ряде случаев 2 м [Арпельгрен-Kivalo Н., 1931]. Обычная ширина кладки 1,5—2 м. Там, где стена защищала значительное по площади убежище и имела большую длину, она часто повторяла рельеф местности. В широких логах вдоль стен выкапывали ров, стены укрепляли пристроенными к их внутренней стороне дополнительными прямоугольными в плане бастionsами из камня. Длинные прямые участки обороны в некоторых случаях укрепляли стеной, идущей зигзагообразной линией, соседние выступы которой позволяли вести перекрестный обстрел. Для укрепления верхней части стен часто употребляли и деревянные палисады. Планы крепостей различны, так как они зависят от рельефа местности. В большинстве случаев подковообразно изгибающаяся стена огораживает площадку на краю скального обрыва. Укрепления без обрывов имеют форму неправильного овала, трапеции, иногда круга. Некоторые крепости состоят из не-

скольких примыкающих друг к другу отсеков. Нередко укрепления имеют два-три ряда стен. Прходы в крепость всегда узки (обычно не шире 1,5 м), часто расположены у края обрыва или прикрыты изгибами стен [Appelgren-Kivalo Н., 1931; Кызласов Л. Р., 1960, 1963а, 1969б, 1975, с. 209].

Фортификационным сооружением другого рода является замок, раскапываемый на территории средневекового города в устье р. Уйбат (рис. 33, А). Это крупное сооружение из сырцового кирпича пережило несколько строительных периодов. Первоначально (видимо, в конце IX—X в.) оно в плане было квадратным (30×30 м). Стены, достигавшие, вероятно, 6—7 м в высоту, были толстыми у основания (более 2 м) и сужались к верхнему краю. Возможно, уже в тот период усеченно-пирамидальный замок был двухэтажным. С течением времени у владельцев замка возникла необходимость увеличить его. К первоначальному квадрату было вплотную пристроено такое же по размерам сооружение, так что южная стена здания стала внутренней, делящей замок на две равные части. Вероятно в ней был пробит проход, связывающий старую и новую части построек. Единственный узкий вход (шириной 1,2 м) в замок находился в восточной стене. Возможно, одновременно с этой перестройкой к длинной восточной стене были пристроены четыре башни, на 6 м выступающие за линию стен; центральные башни были трапециевидными в плане, угловые — в форме восьмигранников. Размер сырцового кирпича, из которого сложена постройка, всюду одинаков — 42—45×22—26×10—12 см.

Узкий вход в замок в результате перестроек оказался буквально зажат между двумя мощными башнями у северного угла. Три другие стены сооружения не имели дополнительных укреплений. Возможно, это объясняется тем, что южная и северная стены в силу своей небольшой длины могли простреливаться с выступающих угловых башен, а западная стена — сверху.

Окружавший замок город — самое крупное городское поселение аскизской культуры — укреплен, видимо, не был.

Из других монументальных сооружений города раскопано небольшое прямоугольное здание (16×20 м) административного назначения (рис. 74, А). Занимавший все внутреннее пространство здания зал (13×17 м) имел 10 массивных (диаметром до 0,5 м) деревянных колонн, стоявших квадратом. В центре окруженного колоннами пространства сохранились остатки небольшого возвышения из сырцового кирпича. Каждая из колонн опиралась на вмазанную заподлицо с глинобитным полом базу — песчаниковую плиту, имевшую разметку для установки колонн. Стены здания были сложены из сырцового кирпича размером 34—36×20×8 см. Кладка велась прямо на дневную поверхность, без фундамента. В связи с этим хорошо знакомые со свойствами необожженного кирпича строители использовали деформационные швы, разделявшие стены здания через определенные промежутки и сохранявшие их от разрывов при усадке кирпича и раствора (рис. 74, А). На территории города обнаружены остатки других сырцовых и столбовых построек, крытых черепицей. Основу общей

застройки города составляли деревянные срубные и столбовые дома.

Если кирпичное строительство в древнехакасском государстве возникает в результате культурных связей с народами Средней Азии и Восточного Туркестана и, вероятно, непосредственно связано с градостроительством древних уйгур, то возведение обычных бытовых деревянных построек имеет давнюю местную традицию, восходящую по крайней мере к таштыкской эпохе.

Аскизскую культуру отличает от смежных во времени и пространстве культур, помимо прочего, и еще одна особенность: подавляющее большинство предметов быта, начиная от орудий труда и кончая конским снаряжением и личными украшениями, изготовлялось из железа. Это свидетельствует о возросшем значении горного дела и черной металлургии. Нельзя не отметить высокое качество получаемого сырья и подлинный профессионализм его использования [Хоанг Ван Кхоан, 1974]. Массовость подобных изделий, их стандартизация (вплоть до мотивов орнамента) позволяют предположить все более возрастающую товарность ремесла и, вполне вероятно, специализацию ремесленников, разделение операций. Вместе с тем несомненное существование индивидуальных по различным деталям оформления наборов снаряжения (в пределах отмеченной стандартизации), вероятно, свидетельствует и о работе на заказ. Неоднократно отмечавшееся в письменных источниках высокое качество древнехакасского оружия, хорошо известная археологически широкая функциональная дифференциация видов вооружения (например, наконечников стрел) свидетельствуют о существовании профессионалов-оружейников. Небывалого до того размаха достигла работа ювелиров: все конское убранство, многие детали снаряжения всадников, одежды и детали туалета мужчин и женщин, даже некоторые орудия труда стали украшаться серебряной насечкой. Если в IX—X вв. и ранее серебряная инкрустация была врезной — металл набивался в специальные, выбранные в железе канавки, то в аскизской культуре основным приемом стала поверхностная таушировка (собственно говоря, аппликация серебром). Для нее поверхность фона насакалась крест-накрест линейными бороздками, мелкие участки — каплевидными заусенцами. Покрывавшиеся серебром участки всегда были углублены по сравнению с выступавшими ребрами и валиками железа, составлявшими сам орнамент. В XIII—XIV вв. приемы работы несколько изменились. Насечка фона крест-накрест сменилась каплевидными заусенцами. Орнамент стал располагаться более широкими поясами и фигурами, внутреннюю их поверхность перестали покрывать серебром. Орнамент из контурного стал силуэтным, затем — прорезным. От фона его отделяли невысокие тонкие валики. В монгольское время появилась и новая манера подготовки фона изделий — насаживание линейными бороздками, повторяющими контур орнаментальных мотивов. Эта манера существовала и на поздних этапах аскизской культуры, сохранившись с небольшими изменениями до этнографической культуры хакасов.

Разнообразные формы кухонной и столовой посу-

ды, изготовленной на гончарном круге, свидетельствуют о продолжении и развитии гончарной традиции. Посуда имеет горновой обжиг. Вместе с тем существовало и домашнее производство лепных сосудов.

Торговые связи и караванные пути, отмеченные письменными источниками, подтверждаются археологическими находками. Из Средней Азии и Восточного Туркестана на Енисей попадали не только шерстяные и шелковые ткани, предметы роскоши, зеркала, сердоликовые бипирамидальные, хрустальные фасетчатые и стеклянные бусы [Кызласов И. Л., 1977а], но и оружие (иногда с арабскими надписями). В тарных сосудах и кувшинах оттуда же привозились дорогие масла и виноградные вина. Попадали с караванами и отдельные бытовые предметы, например пружинные цилиндрические замки. Ряд письменных источников прямо указывает на пребывание на Енисее мусульманских купцов. На Элегестском городище XIII—XIV вв. обнаружен квартал зданий среднеазиатского типа и мусульманское кладбище с мавзолеем. Раскопанный на р. Хемчик мусульманский могильник Саадак-Терек относится к существовавшей в то же время торговой фактории (Кызласов Л. Р., 1963, 1969а, с. 160—161). Прямых торговых связей с дальневосточными центрами в то время, видимо, уже не было. Однако через посредство соседних племен в древнехакасское государство поступали изделия из сунского фарфора, зеркала, монеты, шелка. Средневековые же хакасы продавали мускус, меха, мамонтовую кость, некоторые породы древесины, ловчих соколов и чистопородных лошадей, а также хлеб [Кызласов Л. Р., 1969а, с. 120—121, 169—171].

Огромное количество монет, найденных на территории древнехакасского государства [Лубо-Лесниченко Е. И., 1975а], а также сделанные на обороте некоторых из них енисейские надписи, связанные с их стоимостью, доказывают существование здесь внутреннего денежного обращения. Основой этого обращения служили дальневосточные бронзовые деньги, но на р. Иджим в Саянах найдена и крупная серебряная монета хулагидского чекана 1320 г. из г. Иезда.

В целом аскизская археологическая культура древнехакасского государства несомненно относится к западному азиатскому культурному ареалу. Экономические и культурные связи со Средней Азией и Восточным Туркестаном преобладали. Даже после монгольского завоевания, когда Саяно-Алтайское нагорье административно вошло в состав Юаньской империи, положение в общем не изменилось. Примером может служить широко распространенный в XIII—XIV вв. орнаментальный мотив синусоидального изогнутого растительного побега. На аскизских изделиях он гораздо ближе к распространенной в западных владениях чингисидов схеме, чем к юаньской.

Орудия сельскохозяйственного производства известны главным образом по случайным находкам и датируются по аналогиям. К обычным для Южной Сибири плужным лемехам и сошникам местного производства добавляются находки чугуновых лемехов и отвалов XIII—XIV вв. (рис. 74, 7, 18) дальнево-

сточного производства, появление которых на Енисее связано не только с торговлей, но и с организацией монголами в Туве военно-пахотных поселений и городов с этнически пестрым населением. Серпы и косы-горбуши аскизской культуры, по-видимому, мало отличались от сельскохозяйственных орудий предшествующего времени. В некоторых курганах встречены оковки лопат (рис. 74, 9). Для переработки урожая применялись ручные мельницы. Ал-Идриси сообщает о водяных мельницах, сооруженных средневековыми хакасами на «главной реке» их области. В таежной и подтаежной зоне государства применялись корнекопалки (рис. 74, 63) с железными втульчатыми наконечниками на конце. Широко использовались тесла-мотыги, в X—XII вв. имевшие несомкнутые втулки, более узкие, чем рабочая часть (рис. 74, 11). Эта восходящая к предшествующему времени форма орудий в XIII—XIV вв. сменяется иной — втулка равна по размерам рабочей части или превышает ее (рис. 74, 54). Такой облик этих орудий близок к традиционному виду подобных орудий тюрок Алтая (рис. 28, 73; 33, 14).

Интересные орудия, совмещающие в себе небольшой молоток и напильник (в расширенном конце рукояти) полукруглого сечения (рис. 74, 46), применялись в производстве, вероятно, особенно часто ювелирами. Самыми разнообразными мастерами использовались молотки разных размеров и формы. Недаром их так много среди случайных аскизских находок. При разных тонких операциях применяли пинцеты с зажимами. Универсальным орудием продолжали оставаться ножи. В зависимости от назначения они имели разные размеры и форму. В снаряжение всадника входили особые миниатюрные ножички (длиной 2,5—5 см) и штыковидные длинные, узкие ножи боевого назначения (рис. 74, 12, 71). Аскизские ножи часто имеют нависающий вдоль спинки бортик, придающий их сечению Г-образный вид.

Носители аскизской культуры старались не помещать в могилы дорогого оружия. Немногочисленные мечи, как правило, лежат в курганах с согнутыми вдвое или втрое клинками. Они однолезвийные, с обоюдоострыми концами, черешками для деревянных рукояток, легкими напускными перекрестиями. Длина их до 1 м. Мечи выкованы из качественной стали, легки и удобны. Ножны мечей были деревянными. Их устье оковывалось железной пластиной, от которой вдоль по стороне, обращенной к острию меча, отходила дополнительная узкая железная полоска (рис. 74, 33). Две железные петли, напущенные на ножны, заканчивались пробоями с колечками для подвешивания к портуpee. Иногда такое кольцо имелось и на рукояти меча (рис. 74, 57). Конец ножен имел железную оковку, овальную в сечении. Относительно частое обнаружение этих оковок в курганах свидетельствует о том, что на погребальный костер обычно клали пустые ножны — символ меча. Найдены сабли единичны. Одна привозная сабля имеет арабскую надпись. Наконечников копий и дротиков в комплексах нет. Их также оставляли живым. Умершего сопровождало пустое древко, о чем свидетельствуют встречаемые в курганах железные втоки. Они часто имеют на стержне крепления к

древку, небольшое колечко (рис. 74, 10), служившее для привязывания каких-то ремней или декоративных деталей. На использование всадниками пик указывают специальные железные петли, крепившиеся к стремени. В эти петли вставлялись втки длинных древков, облегчая поддержание пик в вертикальном положении на скаку. Так перевозились и знамена, вымпелы, штандарты (рис. 74, 3).

На погребальный костер воина средневековые хакасы возлагали боевой лук и колчан со стрелами. Эти предметы хорошо сохранились в погребении Узун-Хая, относящемся к XI в. Лук сложный: деревянная основа усиливалась наклеенными по всей длине внешней стороны сухожилиями, а внутренней — роговыми накладками, все это оклеивалось еще слоем сухожилий и берестой. Концы плеч лука были цельнодеревянными, длина его в распушенном виде составляла 1,22 м.

Длинный берестяной колчан (0,85 м) имел деревянное вставное дно овальной формы (12×5 см) и укреплявшую каркас вертикальную деревянную планку. Поверх бересты он был обтянут шкурой жеребенка. Для подвешивания к портупее к вертикальной планке колчана были прикреплены две деревянные петли с сохранившимися в них обрывками ремней (рис. 74, 70). На верхнем ремне пришта железная пряжка с длинным щитком (типа рис. 74, 34). Древки стрел (общая длина 83,5 см, диаметр 0,8 см) — без следов оперения, в нижнем, расширяющемся их конце сделаны прорезы для тетивы. Выше прорезей желтой, красной и зеленой красками нарисованы колечки, а также красный винтовой узор по древку. Черешковые наконечники стрел сверху закреплены сухожильной обмоткой (рис. 74, 62).

Среди кальцинированных костей аскизских погребений часто встречаются остатки накладок на луки (рис. 74, 51) и орнаментированных колчаных пластин. Найденные наконечники стрел очень разнообразны. Если в XI—XII вв. преобладают плоские, уплощенные и граненые наконечники разного рода ромбических очертаний (рис. 74, 51—53, 55, 56), то в XIII—XIV вв. увеличивается роль крупных трехлопастных наконечников с вырезами в лопастях и роговыми свистульками (рис. 74, 27—29, 38). Особо отметим редкую форму железных трехперых втульчатых наконечников причудливых очертаний (рис. 74, 39).

Из оборонительного вооружения до нас дошли в погребениях отдельные панцирные пластины (рис. 74, 28) и части кольчуг, свидетельствующие об употреблении панцирных и кольчужных доспехов.

Остатки конского снаряжения встречаются в каждом кургане. От узды сохраняются многочисленные металлические детали: удила с псалиями, бляшки, накладки, распределители ремней, пряжки и наконечники, наносные султаны. В конце X—XI в. встречаются удила с перпендикулярно расположенными двумя кольцами на концах. Стержень псалия в этом случае вставлялся во внутреннее кольцо и закреплялся скобой, служившей для соединения с нащечным ремнем узды. Часто такая скоба украшена длинным гребнем (рис. 74, 19, 72). Этот способ крепления псалий, как и сама форма удил, был широко распространен в евразийских степях в пред-

шествующее аскизской культуре время. Для XI—XII вв. характерны другие удила, концы которых завершаются уплощенной петлей. Ниже нее на стержне расположены упоры, не позволяющие надвигающемуся на конец удила псалию сползать вниз (рис. 74, 20—22). Эта форма существует и в XIII—XIV вв. (рис. 74, 26), постепенно сменяясь крючковыми удилами с крупными кольцами. Последняя форма, пришедшая для аскизской культуры, удобная в обращении и простая в производстве, постепенно вытеснила местные варианты (рис. 74, 16; 74, 9, 10, 67). Сосуществование двух видов удил создало «гибридную» форму — крючковые удила с нефункциональными упорами (рис. 74, 55) и дисковидные псалии (рис. 74, 3). Унаследовав у предшествующей культуры сапожковое оформление низа, аскизские псалии сохранили его (рис. 74, 19, 21, 72), но он изменился внешне и потерял свою функцию (рис. 74, 26).

Кольца от удил изготовлялись плоскими или уплощенными и орнаментировались (рис. 74, 10). Уздечные накладки и наконечники, шарнирные подвески нагрудных и потфейных ремней, имевшие округлый, чаще всего сердцевидный конец (рис. 74, 18, 27, 65), развивались по линии уплощения. Упростились, стали геометрически более правильными и их очертания. Вместе с тем появилось парное расположение заклепок, декоративные валики по краям, ячеистый узор сменился геометрическим, расположенным зонами и поясами (рис. 74, 32, 34). Изменялся внешний вид пластин наносных султанов. Цилиндрическая форма их трубочек сменилась конической, с расширением в верхней части (рис. 74, 42, 72; 74, 23, 53). Наносный султан является отличительной чертой украшения узды аскизской культуры. Его положение на храповом ремне определилось находкой части целой узды с султаном в Узун-Хае (рис. 74, 73). Уздечки средневековых хакасов в XI—XII вв., а возможно и позднее, вообще не имели налобного ремня. На эту мысль наводят и трехчастные распределители ремней, которые, как и султаны, восходят к местным прототипам IX—X вв. Поэтому они сохраняют Т-образность вплоть до XIII—XIV вв. (рис. 74, 24; 74, 25, 38, 47). Лишь в XIII—XIV вв. появляются крестообразные распределители (рис. 74, 20).

От седел обычно остаются мелкие железные детали: петли (рис. 74, 23; 74, 24), обкладки лук (рис. 74, 17), изредка — крупные серебряные пластины, украшавшие луки (рис. 74, 52), бляхи (рис. 74, 4, 21). Целое деревянное седло, обтянутое овечьей шкурой, найдено в гроте Узун-Хая (рис. 74, 68). Шкуры крепили ремнями. Подпружные пряжки делали из железа (рис. 74, 37; 74, 50) и из рога (рис. 74, 59, 66; 74, 68). Стремена в XI—XII вв. крайне редко попадали в могилы, в XIII—XIV вв. их стали класть туда чаще. Развитие их шло так же, как и во всей Евразии (рис. 74, 2—5; 74, 1, 2, 58). Только аскизские стремяна часто украшались серебряной инкрустацией (рис. 74, 58). Найдены и деревянные стремяна (рис. 74, 67). Встреченные в курганах рукояти плетей делались из рога, железа и бронзы и по форме близки к восточноевропейским (рис. 74, 29). Костяные рукояти часто орнаменти-

ровали (рис. 74, 61). Для шнуровки, продергивания ремней в XIII—XIV вв. применяли специальные инструменты, завершавшиеся изображением конских голов (рис. 74, 12, 66).

Для изучения транспортных средств большой интерес представляют целиком сохранившиеся в гроте Узун-Хая погребальные сани. По внешнему виду они более всего напоминают нарты хантов и манси и генетически, скорее всего, восходят к небольшим грузовым санкам, до сих пор известным охотникам Саяно-Алтая. Хотя их длина достигает 3 м, у них не было оглобель и, вероятно, лошадь тащила их при помощи ременных гужей (рис. 74, 74). О существовании колесного транспорта говорят находки в кургане 2 группы Кизек-Тигей остатков двухколесной погребальной повозки, напоминающей арбу [Кызласов Л. Р., 1975, с. 196].

В курганах встречаются баночные лепные сосуды, часто украшенные резным и штампованным орнаментом, имеющие насечки по венчику (рис. 74, 8). При раскопках города в дельте Уйбата собрана обширная серия и гончарной керамики самых разнообразных форм, размеров и назначения: небольшие блюдца с округлым краем, выпуклые круглые крышки, миски, вазообразные сосуды со сложным профилем, широкогорлые, овальные в плане невысокие «супницы», крупные толстостенные тарные сосуды. Особенностью всей этой керамики является ровный горновой обжиг, придающий ей кирпично-красный цвет, и сложная форма отогнутого венчика, приспособленного к использованию керамических крышек. Сосуды большей частью гладкостенные, с хорошо заглаженной внешней поверхностью, иногда с тонким резным узором.

В составе столовой посуды выделяются серебряные чаши и кувшины. Их форма в XI—XII вв. во многом близка форме пиршественной посуды предшествующего времени (рис. 74, 6, 7). В XIII—XIV вв. бытовали иные формы, широко известные в памятниках Евразии этого периода (рис. 74, 5, 6, 56, 57).

Из бытовой утвари в курганах наиболее часто встречаются предметы, входившие в походный набор воина-всадника: ножи, шилья, напильнички (рис. 74, 13), туалетные пинцеты (рис. 74, 17), двузубые вилки (рис. 74, 16), щеточки (рис. 74, 45), кресала скобковидной формы, крепившиеся в деревянную колодку (рис. 74, 36; 74, 65), костяные футляры (рис. 74, 58). От одежды остаются лишь бляшки и пряжки поясов (рис. 74, 19, 40—43, 69), многочисленные детали разного рода портупей (рис. 74, 31, 32, 34, 35, 60, 64; 74, 35—37). В гроте Узун-Хая почти целиком сохранилась шелковая рубаха, мягкие длинные сапожки, небольшой, крепившийся к поясу мешочек из шелка. Частью головного убора и одновременно украшением женщин были длинные (до 20 см) железные бубавки (рис. 74, 30), входящие к изделиям предшествующего времени. В женских погребениях обычны также находки сердоликовых, агатовых, ониксовых, хрустальных и стеклянных бус, в больших количествах привозившихся из Средней Азии. Серьги (рис. 74, 15; 74, 44) встречаются и в мужских погребениях. Среди случайных находок XI—XIV вв. на территории аскизской куль-

туры многочисленны арабские и дальневосточные зеркала [Лубо-Лесниченко Е. И., 19756]. В гроте Узун-Хая погребальное ложе состояло из войлочных кошм и узорчатых плетеных тростниковых циновок.

Погребальный обряд и типы надмогильных сооружений отражают этническую пестроту населения древнехакасского государства и проходившие в нем в XI—XIV вв. ассимиляционные процессы. Обряд аскизской культуры в целом един — это трупосожжение на стороне с погребением на горизонте под невысоким каменным курганом кольцевидной формы (рис. 74, B). Реже сложенные насухо плиты образуют не оградку, а сплошной панцирь (рис. 74, A) [Кызласов Л. Р., 1975, с. 205—207].

Отметим, что в аскизские курганы часто помещали шкуру коня без головы и иногда его мясо. Изредка под курганами находят скелеты огромных боевых собак особой породы, достигавших размеров теленка [Кызласов Л. Р., 1975].

Отклонения от этого обряда говорят об иной этнической принадлежности погребенного. Однако к аскизским должны быть отнесены и те погребения по обряду трупоположения, инвентарь которых целиком укладывается в нормы аскизской материальной культуры. Они свидетельствуют об ассимиляции средневековыми хакасами отдельных представителей других этнических групп государства, сохранивших прежние черты своего погребального обряда. Примером этого является погребение в гроте Узун-Хая (рис. 74, B, 58—74), относящееся, как уже говорилось, к XI в. и близкое к традициям некоторых алтайских племен, но аскизское по инвентарю.

В монгольское время аскизские вещи широко использовались населением, хоронившим покойников на могильнике Часовенная гора и в курганах на горе Самохвал (рис. 74, B, 38—58, 65—69) [Кызласов И. Л., 1978].

Подобные комплексы хорошо выделяются на фоне типично аскизных погребений и могил кыштымов древнехакасского государства. Хотя последние изучены в очень небольшой степени, уже сейчас ясно, что для них был присущ не только особый погребальный обряд (варианты трупоположения), но и отличный от аскизского инвентарь (могилы у с. Суханыха — рис. 74, 59—64, у улуса Доможакова, сел Луговского, Абакано-Перевоз, Сарагаш, Оты и т. д.) [Гаврилова А. А., 1969]. Эти погребения несомненно представляют ряд самостоятельных археологических культур, выделение и изучение которых — задача будущего. Без ее решения нельзя ответить на многие вопросы, которые ставит перед нами исследование этногенеза коренных народов Южной Сибири.

Курганы аскизской культуры обычно располагаются на горах: по вершинам, седловинам и склонам. Могильники невелики, обыкновенно они не превышают десятка насыпей. Вместе с тем курганные группы многочисленны и часто располагаются одна около другой. Поминальные обычаи XI—XIV вв. гораздо менее ясны для нас, чем погребальные обряды. Обычай сооружать у курганов стелы с эпитафиями (рис. 74, B) был постепенно оставлен уже на первом этапе аскизской культуры. Судя по тамгам,

к концу X — началу XI в. в Туве относится всего 10 стел [Кызласов Л. Р., 1965а]. Для XI—XII вв. известен лишь один курган со стелой и эпитафией (Тува, Малиновка, курган 1) [Кызласов Л. Р., 1960, 1969а, с. 114—116; Кызласов И. Л., 1977б]. На двух могильниках этого же времени встречены вертикально поставленные у курганов плиты, но уже без надписей (Самохвал, Хыргыстар-аалы на р. Нине).

Однако древнехакасская руноподобная письменность несомненно продолжала существовать и во время аскизской культуры. Кроме малиновской эпитафии, об этом свидетельствуют две дальневосточные монеты XI—XII вв. с вырезанными на оборотах енисейскими надписями. Нет сомнений, что число эпиграфических находок аскизской культуры в скором времени увеличится. Дело здесь не только в расширении археологических работ, но и в наметившемся интересе ко все еще неразработанной палеографии рунической письменности тюркоязычных народов средневековья [Кормушин И. В., 1975].

Удар, нанесенный древнехакасскому государству монгольскими феодалами, не прервал развития мест-

ной самобытной культуры. Наблюдения над сложными перипетиями упорной борьбы древнехакасского государства приводят к выводу о его значительной экономической мощи, несмотря на феодальную раздробленность, в которой оно находилось к началу опустошительного единорства. Датой уничтожения древнехакасского государства следует считать 1293 г.

Все достижения саяно-алтайских народов в рамках этого государства — пашенное земледелие с искусственным орошением, градостроительство, письменность, высокий уровень государственного строя и многие другие социально-экономические и культурно-бытовые достижения — пришли в упадок.

Связь аскизской культуры даже на ее ранних этапах XI—XIV вв. с материальной культурой современных хакасов тем не менее ощущается по ряду четко прослеживающихся черт. О том, как трансформировалась в сложных условиях XV—XVII вв. аскизская археологическая культура, можно будет говорить только после новых больших полевых археологических и этнографических исследований.

Оглавление

<p>Введение (С. А. Плетнева) 5</p> <p>Часть первая</p> <p>Степи в эпоху раннего средневековья (IV — первая половина X в.) 9</p> <p>Глава первая</p> <p>Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V—VIII вв. 10</p> <p>Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. (А. К. Амброз) 10</p> <p>Южный Урал в VI—VIII вв. (Н. А. Мажитов) 23</p> <p>Глава вторая</p> <p>Сибирские древности VI—X вв. 29</p> <p>Тюрки (В. А. Могильников) 29</p> <p>Кимаки (В. А. Могильников) 43</p> <p>Сросткинская культура (В. А. Могильников) 45</p> <p>Карлуки (В. А. Могильников) 46</p> <p>Древнехакасская культура чаатас VI—IX вв. (Л. Р. Кызласов) 46</p> <p>Культура древних уйгур (VIII—IX вв.) (Л. Р. Кызласов) 52</p> <p>Тюхтятская культура древних хакасов (IX—X вв.) (Л. Р. Кызласов) 54</p> <p>Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX—X вв.) (Л. Р. Кызласов) 59</p> <p>Глава третья</p> <p>Восточноевропейские степи во второй половине VIII—X в. 62</p> <p>Салтово-маяцкая культура (С. А. Плетнева) 62</p> <p>Балкано-дунайская культура (С. А. Плетнева) 75</p> <p>Ранние болгары на Волге (С. А. Плетнева) 77</p> <p>Южный Урал в IX — начале X в. (Н. А. Мажитов) 80</p> <p>Глава четвертая</p> <p>Северокавказские древности 83</p> <p>Центральное Предкавказье (В. Б. Ковалевская) 83</p> <p>Западное Предкавказье (В. Б. Ковалевская) 90</p> <p>Восточное Предкавказье (В. Б. Ковалевская) 93</p>	<p>Часть вторая</p> <p>Степи в эпоху развитого средневековья (вторая половина X — первая половина XIV в.) 189</p> <p>Глава пятая</p> <p>Сибирские и среднеазиатские кочевнические древности XI—XIV вв. 190</p> <p>Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X—XII вв. (В. А. Могильников) 190</p> <p>Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII—XIV вв. (В. А. Могильников) 194</p> <p>Аскизская культура (средневековые хакасы X—XIV вв.) (И. Л. Кызласов) 200</p> <p>Глава шестая</p> <p>Волжская Болгария (А. П. Смирнов) 208</p> <p>Глава седьмая</p> <p>Кочевники восточноевропейских степей в X—XIII вв. 213</p> <p>Печенеги, торки, половцы (С. А. Плетнева) 213</p> <p>Южный Урал XII—XIV вв. (Н. А. Мажитов) 222</p> <p>Глава восьмая</p> <p>Северный Кавказ в X—XIII вв. 224</p> <p>(В. Б. Ковалевская)</p> <p>Глава девятая</p> <p>Монгольское завоевание и Золотая Орда 229</p> <p>(Г. А. Федоров-Давыдов)</p> <p>Заключение (С. А. Плетнева) 237</p> <p>Список использованной литературы 284</p> <p>Список сокращений 295</p> <p>Указатель географических и этнических названий 296</p> <p>Указатель археологических культур и памятников 299</p>
---	---